

сказать, своднями.

Я умолчала бы об этом, если для полноты моего рассказа не нужно было бы вас уведомить, что ученик в любви оказался с самого начала изрядным знатоком, ничего не упускавшим из виду; а к названному средству прибегнул он, считая его лучшим, – не только потому, что слышал, как искушены в своем подлом ремесле эти пронирыливые женщины, подобно древней Сивилле⁴⁰⁸ низводящих смертных в ад, но и потому, что без их помощи, ему мнилось, не удастся отвести покров стыдливости, который только и мешает его Флери сказать «да».

Исполняясь сего рвения, направился он воскресным утром в приходский храм, где обратился к свечной торговке, испрашивая у нее просвещения в темном для него деле. Та охотно согласилась (все сводни тороваты на обещания), ради чего назначила ему встречу по окончании мессы; и пока шла служба, его взор, алчно устремлявшийся на прекрасную возлюбленную, как говорится, продавал ему шкуру неубитого медведя, внушая уверенность в заведомо неверном предприятии. Когда пришло время, он поспешил отыскать старуху; ничего не утаив, исповедался ей на ухо и попросил указать наилучший путь к осуществлению своего неколебимого намерения, одолеть или умереть, чему до сих пор нисколько не помогали и не благопоспешествовали беседы, в которые он каждодневно вовлекал жившую с ним под одной кровлей госпожу, – ведь чересчур короткое знакомство мешает любви, к тому же он напал на противницу, чей строгий нрав и суровый характер, равно как и бдительная охрана матери, соблюдавшей дочь не хуже, чем дракон золотые яблоки Гесперид,⁴⁰⁹ возбуждали всякое упование.

Старуха отвечала:

– Пусть так! не беда. Положитесь уж на меня! Если нельзя сразу попасть ей в тон, поможет бекар или бемоль; не нужно отчаиваться, дело мастера боится. Она не более грозна, чем львы или тигры, а даже их успешно приручают. И кроме того, запишите-ка себе в катехизис: о женщине можно судить только после ее смерти.

Словно спасительное снадобье, проглоченное больным, который жаждал исцеления от жгучей, мучительной лихорадки, укротили эти ободряющие слова пылкую страсть, несшую, как лошадь без удила, своего седока, – и, воспрянув духом, Понифр вручил старухе несколько монет; вслед за чем, выждав время, она стала пускать в ход все зловерные ухищрения, каким только мог ее научить долгий опыт. Однако, чтобы молвить кратко, все шло у нее неладно и нескладно, и, принужденная наконец отступить столь далеко, сколь ей мечталось продвинуться вперед, она должна была дать просителю неутешительный ответ, обрадовав его не меньше, чем радуется преступника смертный Приговор; отчего стало Понифру так тошно, что он примирился бы с собственной гибелью, видя, как все идет наперекор его стараниям, будто он родился в последней четверти луны, – если бы вдруг ему не вспало на ум (ибо он хотел испытать все пути и ничем не пренебречь), что надо еще прибегнуть к помощи некоего всеильного колдуна.

Этот колдун, потребовав большие деньги, которые захотел получить в руки, прежде чем взяться за дело, назначил несчастному влюбленному время и место, куда будет спротив воли приведена властью известных начертаний его гордая госпожа. Когда настал час, явился он, мерзостный, С обнаженными ногами и головой, из своей пещеры, обошел несколько раз вокруг кладбища, гнусава, как старая обезьяна, какие-то отвратительные слова, и затем, прутом означив на земном прахе нужные меты, сотворил такое множество заклятий, волхований, призываний и чародейств, что прельстил воображительные силы Понифра, заставив его возлечь с призраком, коему придал точный вид Флери. Тонуций в мнимой неге, замороженный любовник изласкал жадным взором прекрасный облик возлюбленной, восхищаясь дивными извивами волнистых кудрей, ангельским лицом, алебастровой шеей, округлыми грудями, белоснежными руками и всем, чем поражает совершенная красота, после чего, довершив наружную анатомию этого чуда, вне себя от восторга, хотел было возложить похотливые свои руки на плечи призрачной красавицы; но тут наваждение, исчерпав назначенный кудесником срок, внезапно кончилось и прелестное тело исчезло из его объятий, как лопнувший от дуновения ветра водяной пузырь, все наслаждение пропало подобно тени или сну ночному, и это настолько ошеломило бедного дурня, что если бы он пред тем на свое счастье не разлегся, то грянулся бы без чувств навзничь.

⁴⁰⁸ Речь идет о Кумской Сивилле, которая помогла Энею проникнуть в царство мертвых.

⁴⁰⁹ Имеется в виду легенда о чудесном саде, находящемся где-то на крайнем западе земного круга.